

Лусия
Фернанда Да
Силвеира
Кастро

Дело об Американце

18+

Лусия Фернанда Да Силвеира Кастро

Дело об Американце

«Автор»

2026

Да Силвеира Кастро Л.

Дело об Американце / Л. Да Силвеира Кастро — «Автор», 2026

Она была в своей квартире, когда к ней ворвались и предложили взять уголовное дело на себя за большие деньги. Она устроилась зарубеж и к ней приехали из-за рубежа по наследству, а затем приехал интерпол. Ранее одного из выпускников юридического факультета, который приехал в США и хотел устроиться на работу, преследовали и пытались убить. На одной из вечеринок их перепутали, убили другого и пока он был в алкогольном опьянении поменяли документы и отправили ближайшим рейсом в Москву. Где его приняли за одного из олигархов, а её за его девушку, с которой он расстался, потому что у него не было денег. Она хотела помочь, как выпускнику их ВУЗа, который заканчивала сама и сказала, чтобы дали её адрес, когда в очередной раз к ней обратились по нему. Она ждала Американца, а приехали сумасшедшие блондинки, которые его преследовали. И после этого её начали преследовать и пытаться убить...

© Да Силвеира Кастро Л., 2026

© Автор, 2026

Лусия Фернанда Да Силвеира Кастро

Дело об Американце

Она была в своей квартире,
когда к ней ворвались и предложили взять
уголовное дело на себя за большие деньги.
Она устроилась зарубеж и к ней приехали
из зарубежа по наследству.
А за тем к ней приехал интерпол.

Была жара, и Виктория открыла дверь квартиры в надежде поймать хоть слабый сквозняк — но вместо прохлады в комнату ворвался густой, тяжёлый воздух, пахнувший разогретым асфальтом и пылью. Кондиционер тихо гудел, не справляясь с температурой, а экран ноутбука мерцал списком программ аспирантуры, будто насмехаясь: «Время ещё есть», а ей казалось, что его как раз и не хватает.

Она успела только подумать: «Подготовлюсь и поступлю в аспирантуру на юридический», как в дверь постучали. Не дождавшись ответа, в квартиру ворвалась девушка — будто из модного показа в Милане: чуть выше Виктории, волнистые светлые волосы свободно падали на плечи, глаза казались чуть шире из-за распахнутого, почти безумного взгляда. На ней было зелёное платье до колен и зелёные туфли на высоком каблуке — слишком нарядные для обычного визита, слишком неуместные для этой душной, обыденной квартиры.

Виктория инстинктивно отступила на шаг, прижимаясь спиной к стене, и только и смогла выдать:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте! Возьмите на себя уголовное дело вместо меня за большие деньги! — завизжала девушка, голос срывался на фальцет, а рука судорожно сжимала ремешок маленькой сумочки.

Виктория на секунду замерла, пытаясь совместить эту нелепую просьбу с реальностью: с ноутбуком, с аспирантурой, с планами на спокойную, выстроенную жизнь.

— Девушка, мне, конечно, нужны деньги, но не до такой степени, чтобы уголовное дело на себя брать. А что случилось? — спросила она, стараясь говорить ровно, чтобы не выдать дрожь в голосе.

Незнакомка резко мотнула головой, будто сбрасывая наваждение, и, не отвечая, развернулась на каблуках:

— Побегу к другой похожей! — выкрикнула она и выскользнула за дверь, оставив после себя лишь лёгкий шлейф сладких духов и ощущение, что мир только что треснул по шву.

Виктория медленно закрыла дверь, прислонилась к ней лбом и на секунду закрыла глаза. Ноутбук всё так же мигал программами аспирантуры — но теперь они казались чем-то из другой жизни. Она достала телефон и быстро набрала короткое сообщение: «Если будут спрашивать про американца — дай мой адрес». Пальцы дрожали, но она не позволила себе стереть текст.

Виктория стояла у закрытой двери ещё минуту, прислушиваясь к ударам каблуков по лестнице — быстро, неровно, как у человека, который бежит не от страха, а от паники. Потом стихло.

Она вернулась к ноутбуку. Экран подмигивал программами аспирантуры: МГУ, МГЮА, ВШЭ. Ещё месяц назад это казалось планом на жизнь. Теперь — чем-то хрупким, вроде бумажной лодки, которую несёт к водопаду.

Она открыла новую вкладку и ввела в поисковую строку: *«Интерпол запрос на выдачу РФ»*. Потом стёрла. Потом набрала снова: *«как узнать, есть ли запрос Интерпола на человека»*. Тоже стёрла. Открыла мессенджер.

Последний диалог с Артёмом — три недели назад. Артём Каменев, выпускник того же юрфака, на два курса младше. Талантливый, нервный, с привычкой говорить вполголоса, словно кто-то подслушивал. Он и предложил ей сделку: *«Вика, если кто-то будет спрашивать обо мне — скажи, что я у тебя. Дай адрес. Мне нужно, чтобы кто-то знал, где я, на случай, если всё пойдёт не так»*.

Она согласилась. Не из жалости — хотя жалость тоже была. Из профессионального интереса. Она заканчивала юрфак с красным дипломом, писала дипломную работу по международному уголовному праву и прекрасно понимала: если за человеком охотятся через границу, это уже не криминальная хроника. Это статья 35 Конвенции о правовой помощи. Это значит, что человек либо свидетель, либо обвиняемый, либо — и это хуже всего — предмет торга между государствами.

Артём не объяснил подробностей. Сказал только: *«Меня перепутали с другим. С очень богатым другим. Они убили не того, а меня отправили в Москву с чужими документами»*.

Это случилось полгода назад. Артём поехал в США — стажировка в небольшой юридической конторе в Бостоне. Через знакомых устроился на чужое имя, на чужую визитку, на чужие надежды. На одной из вечеринок — а он ненавидел вечеринки — его представили как *«нашего нового коллегу»*. В зале было человек пятьдесят, алкоголь лился рекой, музыка гремела.

Его перепутали с человеком по имени Дмитрий Волков. Тот Волков — не олигарх, но что-то рядом: консультант, связной, человек, через которого проходили деньги, которые лучше не называть вслух. Настоящий Волков был выше, шире в плечах, носил дорогие часы и разговаривал так, будто все вокруг были его клиентами.

Артём не знал никого из них. Он просто стоял у бара, держал стакан с чем-то крепким и пытался вспомнить, зачем вообще пришёл.

В два часа ночи в зал вошли двое. Не с вечеринки — с улицы. Спокойные, точно знали, куда идут. Один — плотный, коротко стриженный, в сером. Второй — высокий, с лицом, на котором не читалось ничего. Они нашли Волкова. Точнее, нашли того, кого приняли за Волкова.

Артём выпил уже достаточно, чтобы мир потерял резкость. Он помнил руку на плече, помнил запах спиртного, помнил, как кто-то подменил его паспорт на другой — тот, что лежал в нагрудном кармане, — и помнил, как его почти понесли к выходу, к машине, к самолёту.

Утром он проснулся в Москве. С чужим паспортом на имя Дмитрия Волкова, с чужим билетом и ощущением, что кто-то только что переставил фигуры на доске, а он — та фигура, которой ходили не глядя.

В Москве Артём оказался один, без денег, без связей и с паспортом, который belonged — формально — человеку, которого, как он позже узнал, убили той же ночью в Бостоне. Настоящего Волкова нашли в машине у реки. Или не нашли. Или нашли кого-то третьего. Детали путались.

Он связался с Викторией — единственным человеком в Москве, которого знал лично. Она работала в небольшой адвокатской конторе на Тверской, снимала квартиру у метро и собиралась в аспирантуру. Она не задала лишних вопросов — только спросила:

— Тебя ищут как обвиняемого или как свидетеля?

— Не знаю, — ответил Артём. — Я не знаю, что у них в голове.

Это был честный ответ. И самый опасный. Потому что когда человек не знает, кем он числится в базах Интерпола, он не знает, кто за ним придёт: полиция, наёмники или те двое из серого зала.

Виктория дала ему пожить у себя три дня. Потом нашла ему знакомого — адвоката по уголовным делам, который согласился разобрать ситуацию без протокола. Адвокат посмотрел паспорт, позвонил куда-то, побледнел и сказал:

— Уезжай. Прямо сейчас. Тебя ищут не как свидетеля. И не только американцы.

Через неделю после того, как Артём исчез — на этот раз по его собственной воле, — в квартиру Виктории позвонили. Не постучали — позвонили в дверь, спокойно, по-деловому.

Она открыла. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, в светлом костюме, с русским лицом и неулыбчивыми глазами. За его спиной — женщина, тоже в костюме, с папкой.

— Виктория Андреевна Соколова?

— Да.

— Мы из НЦБ Интерпола при МВД России. Национальное центральное бюро. Нам нужно поговорить.

Они вошли. Мужчина сел на краешек дивана, положил руки на колени и заговорил так, будто читал протокол вслух:

— В марте этого года в Бостоне, штат Массачусетс, был убит гражданин Российской Федерации Дмитрий Сергеевич Волков. В ходе расследования ФБР установило, что в момент убийства в помещении находился ещё один гражданин РФ — Артём Олегович Каменев. Каменев покинул территорию США рейсом Бостон — Стамбул — Москва. Прибыл в Москву с документами на имя Волкова. Документы были подменены, по всей видимости, третьими лицами.

Виктория молчала.

— Нас интересует, — продолжил мужчина, — не видели ли вы Каменева после его возвращения. И не обращался ли он к вам за помощью.

Она знала, что враньё — плохая стратегия при разговоре с Интерполом. Не потому, что они обязательно поймут. А потому, что они задают вопрос, ответ на который уже знают. Или думают, что знают.

— Каменев — мой однокурсник, — сказала она. — Он обращался ко мне за юридической консультацией. Я направила его к адвокату. Больше я его не видела.

— Какому адвокату?

Она назвала фамилию. Мужчина кивнул, будто уже знал. Женщина записала.

— Виктория Андреевна, — сказал он, вставая, — у меня к вам ещё один вопрос. К вам сегодня кто-нибудь приходил?

Она почувствовала, как воздух в комнате стал гуще.

— Приходила девушка. Незнакомая. Предлагала мне взять на себя уголовное дело. За деньги. Потом убежала.

Мужчина и женщина переглянулись. Это был не обмен взглядами — это было подтверждение. Они ждали, что она это скажет.

— Мы знаем, — сказал он. — Эта девушка — Камилла Фёрстер, гражданка Германии. Она связана с людьми, которые преследовали Каменева в США. Мы полагаем, что она искала не вас, а адрес, по которому скрывается Каменев. И теперь она знает, что вы — одно из звеньев.

Он помолчал.

— Виктория Андреевна, я рекомендую вам не оставаться в этой квартире.

После их ухода она села у окна и стала смотреть на улицу. Внизу, у подъезда, стояла серая машина. Не та, на которой приехали из Интерпола. Другая.

Она подумала о том, как всё началось. Не с Артёма — раньше. С наследства.

Полгода назад ей позвонил нотариус из Вены и сказал, что ей — ей, Виктории Соколовой, дочери инженера и учительницы музыки, — оставлен в наследство особняк и счёт в швейцарском банке. Наследодатель: баронесса Мария фон Штраубе, урождённая Мария Соколова,

сестра её прадеда, эмигрировавшая в 1946 году. Баронесса умерла без прямых наследников, и генеалогический поиск выстроил цепочку до Виктории.

Она не поверила. Потом проверила — через знакомого нотариуса в Москве. Цепочка была настоящей. Счёт — тоже. Но получить его можно было только лично, в Швейцарии, с полным пакетом документов.

Она начала оформлять визу. И в этот момент в её жизни появился Артём — со своей историей, с чужим паспортом и с людьми, которые шли за ним по пятам.

Совпадение? Она не верила в совпадения. Не потому, что была параноиком — потому что учила уголовное право. В уголовном праве совпадение — это непроверенная связь.

Она достала телефон и набрала номер адвоката, к которому направила Артёма.

— Аллю?

— Это Соколова. Каменев у вас?

Пауза.

— Виктория Андреевна, я не могу это обсуждать по телефону.

— Тогда скажите одно: он жив?

Ещё пауза. Длиннее.

— Да. Но ненадолго, если мы не решим, что делать с Интерполом, с ФБР и с людьми Фёрстер.

Она закрыла глаза. Серая машина внизу не двигалась.

— Я приеду, — сказала она.

Адвокат Марк Семёнович Гольдман работал из полуподвального офиса на Малой Бронной — узкое помещение, два стола, сейф и портрет Стенича на стене, повешенный с лёгким креном. Виктория знала его четыре года: он вёл уголовные дела, не чурался сложных клиентов и имел одну полезную черту — умел молчать в нужных местах протокола.

Она приехала через двадцать минут после звонка. Серая машина осталась у подъезда — но из окна такси она заметила, что вслед двинулась другая, тёмная иномарка. Или показалось. С такими вещами она уже перестала доверять периферийному зрению.

Гольдман встретил её у двери, запер на два замка и провёл в кабинет. Артём сидел в углу, на складном стуле, — осунувшийся, небритый, в чужой рубашке. Увидев Викторию, он поднялся, но не подошёл. Просто стоял, как человек, который забыл, как здороваются.

— Садитесь, — сказал Гольдман. — У нас сорок минут. Потом нужно менять локацию.

Он разложил на столе три листа — распечатки, помеченные маркером.

— Вот что мы имеем. Артём, повтори ей.

Артём сел. Голос был тихий, ровный — не от спокойствия, а от истощения.

— В Бостоне меня перепутали с Волковым. Волкова убили. Меня напоили, подменили документы и отправили в Москву. У меня паспорт Волкова. Настоящий, не поддельный — его паспорт. Фотография другая, но в американской базе при выезде это не проверяли, потому что вылет был транзитный, Стамбул — Москва, и паспорт сканировали только на входе в Стамбул, где лицо не сверяли с базой.

— То есть формально, — вставила Виктория, — ты пересёк границу США под именем погибшего человека.

— Да.

— Это статья 322.1 УК, использование чужого документа. Но это — если докажут умысел. Если документ подменили без твоего согласия — ты потерпевший, а не обвиняемый.

Гольдман кивнул.

— Верно. Проблема в другом. ФБР считает, что Артём не жертва, а соучастник. Их версия: убийство Волкова было заказным, Артём — исполнитель, а подмена документов — часть плана по эвакуации. Доказательств у них нет, но есть косвенные: Артём присутствовал на вечеринке, был замечен рядом с Волковым за полчаса до убийства, и покинул страну в течение двух часов после.

— Это бред, — сказала Виктория. — Он был пьян. Его вынесли.

— ФБР не было на вечеринке, — ответил Гольдман. — У них записи с камер. На них Артём идёт к выходу на своих ногах. Шатается, но идёт.

— Его поддерживали.

— Поддерживали. Но камера это не показывает так однозначно. Ракурс неудачный.

Виктория достала блокнот и начала писать. Она всегда так делала — когда мысль оформлялась на бумаге, она переставала путаться.

— Давайте разложим на три слоя, — сказала она. — Первый: Интерпол. Второй: ФБР. Третий: Фёрстер и её люди. Это три разных противника, с тремя разными целями.

Гольдман подался вперёд.

— Интерпол хочет Артёма как свидетеля или подозреваемого по делу Волкова. Их цель — допрос и, возможно, выдача в США.

— ФБР хочет его как обвиняемого. Их цель — экстрадиция и суд.

— Фёрстер хочет его как... что? Зачем он ей?

Артём поднял глаза.

— Она не меня хочет. Она хочет то, что у меня есть.

— Что у тебя есть?

Он достал из кармана чужой рубашки флешку — маленькую, чёрную, с нацарапанной буквой *D*.

— Это паспорт Волкова. Не настоящий — вторая копия, которая была в его чемодане. Чемодан мне подсунили в самолёте. В нём: паспорт, флешка и конверт. Конверт я не вскрывал. Флешку — да. Там финансовые транзакции. Не просто транзакции — схема. Деньги шли через шесть стран. Счета в Швейцарии, на Кипре, в ОАЭ. Имена — не настоящие, но в таблице есть ссылки на юридические лица. Компании-оболочки. И одна из них — та, через которую шло наследство баронессы фон Штраубе.

Виктория замерла.

— Моё наследство?

— Твоя цепочка наследования проходит через один из счетов Волкова. Не напрямую — через три промежуточных перевода. Но если построить граф, твоя баронесса получала деньги от структуры, которая обслуживалась Волковым. Или теми, кто стоял за ним.

— То есть наследство — не случайность.

— Нет. Тебя выбрали. Тебя вычислили по родственной линии и ввели в схему как получателя. Чтобы деньги легально ушли из структуры и осели на счету, который никто не свяжет с Волковым. А потом, когда ты приедешь за деньгами в Швейцарию, — тебя используют. Или убивают.

В комнате стало тихо. Гольдман снял очки и протёр их краем рубашки.

— Значит, Фёрстер ищет не Артёма, — сказал он. — Она ищет флешку. Артём — просто курьер, которого забыли убрать.

— Или не забыли, — сказала Виктория. — А перепутали. На вечеринке должны были убить Артёма, а Волкова — отправить в Москву с флешкой. Но перепутали. Убили Волкова,

а Артёма отправили. И теперь у Артёма — флешка, которую он не должен был получить. А у Фёрстер — приказ: вернуть её любой ценой.

Артём кивнул.

— И Интерпол, — продолжил Гольдман, — если получит флешку, закроет дело по Волкову и перейдёт к отмыванию. ФБР — то же самое. Никто не хочет возвращать Артёма в США. Все хотят данные.

— Тогда план такой, — сказала Виктория и начала писать быстрее.

Ход первый. Заявление в прокуратуру.

— Артём пишет заявление: в отношении него совершены преступления — похищение документов, незаконное перемещение через государственную границу, покушение на убийство. Заявление подаётся в Следственный комитет, а не в полицию. Это даёт Артёму статус потерпевшего, а не подозреваемого. И — это важно — запускает российское расследование раньше, чем Интерпол успеет оформить запрос на выдачу. Если российское следствие начнёт первым, экстрадиция затрудняется: лицо, в отношении которого ведётся национальное расследование, как правило, не выдаётся до его завершения.

Гольдман поднял руку.

— Это сработает, если заявление будет подкреплено. Нужны доказательства подмены документов.

— У Артёма есть паспорт Волкова, — сказала Виктория. — Оригинал. С фотографией Волкова. И есть Артём, который явно не Волков. Экспертиза установит, что паспорт не подделка, а подлинный документ другого лица. Это уже основание.

Ход второй. Копия флешки — Интерполу.

— Не оригинал. Копия. Мы дублируем данные и передаём НЦБ Интерпола добровольно, как лицо, располагающее информацией о трансграничной преступной схеме. Это делает Артёма ценным свидетелем, а не беглецом. Интерпол получает данные, которые им нужны для расследования отмывания, и теряет мотив выдавать Артёма в США: он слишком полезен здесь.

— А ФБР?

— ФБР получит данные через Интерпол — по каналам взаимной правовой помощи. Но они не получают Артёма. Потому что к моменту, когда они оформят запрос, российское следствие уже будет в работе, и Генпрокуратура откажет в выдаче со ссылкой на статью 61 Конституции — гражданин РФ не может быть выслан из РФ.

— Он гражданин РФ?

— По паспорту Волкова — нет. Но по его настоящему паспорту, который, надеюсь, у тебя ещё где-то есть?

Артём полез в рюкзак и достал мятый российский паспорт — свой, настоящий, просроченный на год, но с фотографией и именем.

— Вот. Спрятал в багаже до того, как подсунули второй.

Виктория взяла паспорт, открыла, проверила. Артём Олегович Каменев, 1996 года рождения, Москва.

— Отлично. Ты — гражданин РФ. Статья 61. Выдача невозможна.

Ход третий. Оригинал флешки — в банк.

— Мы не отдаём оригинал никому. Мы помещаем его в банковскую ячейку — в швейцарский банк, к которому привязана схема. С условием: ячейка открывается только при наличии двух ключей — моего и ключа адвоката Гольдмана. И с приложением: опись содержимого, заверенная нотариусом. Это создаёт юридически защищённое хранилище. Если кто-то — Фёрстер, ФБР, кто угодно — захочет получить данные, им придётся идти через суд. А через суд — значит, через процедуру. А процедура — это время. А время — это то, чего у нас сейчас нет, но появится, если первые два хода сработают.

Гольдман встал, подошёл к сейфу и достал бланк.

— Заявление пишем сейчас. Я составляю. Артём, ты подписываешь. Виктория Андреевна — вы как свидетель подмены документов, потому что видели паспорт Волкова у Артёма в Москве и можете подтвердить, что он был получен им не по своей воле.

— Могу. Я видела его в день, когда Артём пришёл ко мне. Паспорт был при нём, он не знал, что у него чужой документ, пока не открыл.

— Этого достаточно.

Он печатал быстро, двумя пальцами, но без ошибок. Через двадцать минут заявление было готово: три страницы, сухим языком, с указанием статей — 325 (похищение документов), 322.1 (незаконное пересечение границы), 30 и 105 (покушение на убийство — в отношении Волкова, с указанием, что Каменев мог быть намеченной жертвой).

— Я отвезу лично, — сказал Гольдман. — В Следственный комитет на Технический переулок. По знакомству примут сегодня. К вечеру у Артёма будет статус потерпевшего. Это первый щит.

— Второй щит, — сказала Виктория, — копия флешки для Интерпола. Я отвезу сама. У меня есть контакт — тот мужчина из НЦБ, который приходил. Он оставил визитку.

Она достала из сумочки визитку. Майор Павел Алексеевич Дроздов, НЦБ Интерпол при МВД России. Прямой номер.

— Я позвоню ему и скажу: у меня есть информация о трансграничной финансовой схеме, связанной с делом Волкова. Передам копию лично. Без протокола — как наводку. Они сами решат, как оформить. Главное — чтобы в их базе Артём числился источником информации, а не беглецом.

Гольдман кивнул.

— А оригинал?

— В банковскую ячейку. Но не в Швейцарии — это пока недоступно, визу не дадут. Здесь. В московском филиале швейцарского банка. Я знаю один — на Пресне. Открою ячейку на своё имя, доступ — по доверенности для Гольдмана. Содержимое опишем у нотариуса сегодня же.

Они вышли из офиса в одиннадцатом часу. Гольдман поехал в Следственный комитет. Виктория вызвала такси. Артём остался в офисе — Гольдман запер его и сказал, что вернётся к утру.

В такси Виктория позвонила Дроздову. Тот ответил после второго гудка.

— Дроздов.

— Это Соколова. Вы сегодня приходили ко мне.

— Помню. Что случилось?

— У меня есть информация по делу Волкова. Финансовая схема. Шесть стран, счета, компании-оболочки. Хотите — привезу копию данных. Сегодня.

Пауза. Длинная, как вдох перед прыжком.

— Привозите. Куда я вам скажу.

Он продиктовал адрес — не служебный, а квартиру на Кутузовском. Это значило, что он работает вне протокола. Либо потому что не доверяет своему отделу, либо потому что дело уже передали выше.

Она сказала водителю новый адрес.

На Кутузовском её встретил не Дроздов, а та самая женщина, что приходила с ним утром. Она открыла дверь, молча провела в комнату, где за столом сидел Дроздов — без пиджака, в подтянутой рубашке, с кружкой чая.

— Показывайте, — сказал он.

Виктория положила на стол флешку. Не копию — оригинал. Она изменила план в такси. Копия в руках Интерпола, который может затеряться в коридорах, — это слабый щит. Оригинал, переданный лично, с описью, — это гарантия того, что данные не исчезнут. А банковскую ячейку можно использовать для другого: для конверта, который Артём не вскрывал.

— Здесь всё. Транзакции, имена, ссылки на юрлица. Один из счетов связан с наследством, которое мне оставила баронесса фон Штраубе. Я считала это совпадением. Теперь не считаю.

Дроздов вставил флешку в ноутбук. Просмотрел. Лицо не изменилось, но пальцы на клавиатуре стали быстрее.

— Вы понимаете, что если это то, о чём я думаю, — сказал он, не отрываясь от экрана, — вы только что стали главным свидетелем по делу, которое затрагивает интересы как минимум трёх государств.

— Я понимаю.

— И что люди, которые за этим стоят, не из тех, кто пишет письма с извинениями.

— Я тоже это понимаю.

Он закрыл ноутбук, вынул флешку и положил её в стол.

— Охрану я вам организую. Не официальную — моих людей, у подъезда. Но этого мало. Вам нужно исчезнуть на время. Не из России — из Москвы. Я знаю место. Скажу завтра.

— А Каменев?

— Каменева мы возьмём под защиту, если его заявление в СК пройдёт. Гольдман надёжный?

— Он мой знакомый. Я ему доверяю.

— Этого мало. Но пока хватит.

Она вышла на Кутузовский в час ночи. Воздух был тёплый, тяжёлый, с запахом лип. У подъезда стояла та самая серая машина — но теперь в ней сидели двое, и они не прятались. Один курил, опустив стекло. Они смотрели на неё.

Люди Дроздова, — подумала она. Или Фёрстер. Или одно и то же.

Она вызвала такси и поехала домой. Но по дороге набрала Гольдмана.

— Заявление подано?

— Подано. Приняли. Каменев — потерпевший. Щит номер один — на месте.

— Хорошо. Утром нужно к нотариусу. Опишем содержимое конверта, который Артём не вскрывал. И откроем ячейку.

— Договорились. Восемь утра.

Она положила телефон и посмотрела в окно такси. Москва мелькала огнями, сонная и жаркая. Где-то в полуподвале на Малой Бронной Артём спал на складном стуле, впервые за неделю. Где-то в Вене ждал счёт, который ей, возможно, никогда не получить. А где-то — за городом, за границей, в самолёте или в серой машине — Камилла Фёрстер строила новый план.

Завтра, — подумала Виктория. — Завтра я позвоню в аспирантуру и спрошу, есть ли у них программа по международному уголовному праву. Если нет — это будет большая ошибка с их стороны.

Виктория не поехала домой. Такси довезло её до Пресни, до офиса швейцарского банка — «Helvetia Trust», мраморный фасад, тёмное стекло, швейцарский флаг у входа. Ночью он был закрыт, но рядом работала круглосуточная нотариальная контора с мигающей вывеской «Копирка» — странным соседством для финансового учреждения.

Она зашла, попросила бланк описи. Нотариус — сонная женщина лет шестидесяти с очками на цепочке — посмотрела на неё с подозрением, но сделала работу: три страницы описи, заверительная надпись, печать. Виктория положила опись в сумку и вышла.

К семи утра она сидела в кафе напротив банка, пила остывший эспрессо и смотрела на дверь. В восемь открылось. Она вошла первой — и обнаружила, что уже не первая.

К семи утра она сидела в кафе напротив банка, пила остывший эспрессо и смотрела на дверь. В восемь открылось. Она вошла первой — и обнаружила, что уже не первая.

У стойки администратора стоял Гольдман. Рядом — Артём, в той же чужой рубашке, но с зачатками бритья на щеках. И третий — незнакомый мужчина в тёмном пальто, который при виде Виктории обернулся и сказал с лёгким акцентом:

— Фройляйн Соколова? Я Йозеф Бек, адвокат баронессы фон Штраубе. Я прилетел из Цюриха сегодня утром. Мне позвонили.

— Кто позвонил?

— Нотариус, у которой вы оформляли опись. Она — мой контакт в Москве.

Виктория посмотрела на Гольдмана. Тот пожал плечами — пожатие было красноречивее любых слов: *я тоже не знал*.

Бек провёл их в переговорную — маленькую комнату с дубовым столом и портретом основателя банка. Он разложил на столе папку — толстую, с тиснёным гербом, и заговорил тем размеренным тоном, каким говорят люди, привыкшие к тому, что их слушают внимательно.

— Баронесса Мария фон Штраубе, урождённая Соколова, умерла в Цюрихе в апреле прошлого года. Ей было девяносто один. Последние шестнадцать лет она вела дела через этот банк. Я был её личным адвокатом последние одиннадцать.

Он открыл папку.

— Баронесса не была богатой — в том смысле, в каком богаты люди, чьи имена попадают в журналы. Она была *обслуживающей*. Её счёт — счёт номер 7412 — был не накопительный, а транзитный. Деньги поступали на него, находились от трёх до семи дней и уходили — тремя или четырьмя маршрутами. Маршруты менялись, но структура оставалась: поступление из юрлица, зарегистрированного на Кипре, далее — распределение на счета в Австрии, Лихтенштейне и — последнее звено — на счёт, оформленный на имя баронессы, с правом передачи по наследству.

— То есть, — сказала Виктория, — она знала, что делает?

— Она знала, что выполняет инструкции. От кого — я не уверен. Она получала письма. Не электронные — бумажные, по адресу банка. Без подписи, с печатью — круглая, с буквой *D*.

Виктория почувствовала, как сжимается что-то в груди. Буква *D*. Та же, что на флешке.

— Дмитрий Волков, — сказала она.

Бек кивнул.

— Я не знал его имени. Но я знал, что письма приходят от человека, который контролирует счёт. Баронесса выполняла просьбы. Она переводила деньги. Она подписывала документы. Она получала за это процент — небольшой, но достаточный, чтобы жить в Цюрихе последние двадцать лет.

— И она оставила наследство мне.

— Да. Но не по своей воле.

Он вынул из папки лист — пожелтевший, машинописный, с подписью баронессы внизу.

— Это приложение к завещанию. Оно составлено за два месяца до её смерти. В нём — инструкция: в случае прекращения поступлений на счёт 7412 наследником назначается лицо, определяемое по генеалогической линии — потомок Соколовых по линии отца, живущий на территории РФ. Не конкретное лицо — *критерий*. Но когда поступления прекратились — а они прекратились в марте, через неделю после убийства Волкова — банк провёл поиск. По критерию. И нашёл вас.

— Вы хотите сказать, что баронесса не выбирала меня лично?

— Она выбрала формулу. Формула выбрала вас. Но — и это важно — формула была составлена не ей. Она продиктована в тех же письмах с буквой *D*.

Виктория откинулась на спинку стула. Артём сидел неподвижно, глядя в стол. Гольдман записывал.

— То есть Волков, — медленно сказала Виктория, — заранее предусмотрел, что его схема раскроется или что его уберут. На этот случай он настроил наследство так, чтобы транзитный счёт продолжил работать — но уже на другого человека. На меня. На законного наследника, с чистой биографией, выпускнику юрфака, без судимостей, без связей с криминалом. Идеальный получатель.

— Идеальный, — подтвердил Бек. — Потому что если деньги уйдут к вам — законно, по наследству, через швейцарский банк, — их невозможно будет отследить как преступные. Они станут вашими. А вы — не преступница. Вы — наследница.

— И тогда, — продолжил Артём, — они придут ко мне. Не за деньгами — они уже ваши. За доказательствами, что деньги — грязные. А доказательства — на флешке. Которую по ошибке отдали мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.